Проклятье лисьего рода

18+

Елизавета Савина

Проклятье лисьего рода

«Автор»
2026

Савина Е.

Проклятье лисьего рода / Е. Савина — «Автор», 2026

Юми потеряла всё: дом, наставницу, право быть собой. У неё осталась только месть и тайна, которая может стоить жизни. А ещё — человек, который смотрит на неё без ненависти.Между долгом и чувством, между правдой и выживанием им предстоит пройти путь, где любое слово может стать роковым. И однажды правда всё равно вырвется наружу.«Проклятие лисьего рода» — о том, как ненависть становится клеткой, а доверие — самой опасной свободой.

© Савина Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пепел и тень 5
Глава 2. Город, который забыл 9
Глава 3. Память на продажу. 12
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Елизавета Савина
Проклятье лисьего рода

Глава 1. Пепел и тень

Юми открыла глаза.

Первое, что она почувствовала — жар. Не тот, что исходит от огня, а тот, что остаётся после. Жар, впитавшийся в дерево, в камень, в землю. Воздух был тяжёлым, сладковатым. Пахло жжёным шелком и чем-то другим — металлическим, знакомым.

Кровью.

Она поднялась. Пол был покрыт пеплом. Толстым, мягким, как снег. Юми провела пальцами — и поняла, что пепел этот тёплый. Ещё тёплый.

— Мико?

Голос прозвучал хрипло. Слишком громко для этой тишины. Никто не ответил.

Юми вышла из комнаты. Коридор дома наставницы — того самого дома, где она прожила последние семь лет, — был неузнаваем. Стены почернели. Потолок обрушился в одном месте, открывая ночное небо. Звёзды смотрели вниз равнодушно.

Она шла вперёд, стараясь не наступать на то, что раньше было полом, мебелью, жизнью. У входа она остановилась.

Дом стоял. Но это было не здание — это был скелет. Каркас из обугленных балок, из которых ещё недавно торчали занавески, ставни, фонари с бумажными абажурами. Теперь ничего этого не осталось. Только чёрные кости и пустота. И пепел. Везде пепел.

— Мико!

Юми выбежала во двор. Здесь пепел лежал слоем в несколько сантиметров. Деревья — те, что наставница выращивала двадцать лет, — стояли чёрными силуэтами против звёзд. Ни одного листа. Ни одного зелёного.

И тут она увидела. У старого колодца, там, где обычно сидела Мико по утрам и пила чай, лежала фигура. Юми подбежала. Колени ударились о землю. Она упала рядом, руки дрожали.

— Мико. Мико, послушай меня.

Женщина лежала на спине. Глаза были закрыты. Лицо спокойное. Будто уснула. Но шея… Шея была сломана. Резко. Неприродно. И на груди — тёмное пятно, растекшееся по тёмно-синей одежде. Юми положила руку на грудь. Тепло уходило. Медленно. Как песок сквозь пальцы.

— Мико, пожалуйста.

Глаза наставницы открылись. Юми замерла.

Мико посмотрела на неё. И в этих глазах — старых, острых, всегда знавших слишком много — не было ни страха, ни боли. Только усталость. И что-то ещё. Что-то, чего Юми не хотела понимать.

— Юми… — голос был тихим, почти шёпотом. — Ты жива.

— Да. Да, я… я спряталась. Они ушли. Я подошла, когда стало тихо… Мико, ты жива. Ты же жива.

Старая лиса попыталась улыбнуться. Получилось криво.

— Нет, дитя моё. Не я.

Юми покачала головой. Быстро, нервно.

— Не говори так. Я найду врача. Я… я вызову духа-лекаря. Подожди. Подожди немного.

— Не время для врачей, — перебила наставница. — Время слушать.

Юми замолчала.

— Мы не просто духи, — продолжила Мико. — Мы — хранилище. Каждый хвост — это век памяти. Моя память хранит триста лет истории этого рода. Истории, которую власть не хочет, чтобы кто-то помнил.

— Что именно? — Юми сжала кулаки. — Что вы знаете?

Мико посмотрела на неё прямо. Впервые — без усталости. Только ясность.

— Всё.

Пауза. Долгая. Тяжёлая.

Юми чувствовала, как что-то внутри неё дрогнуло. Не страшно. Не приятно. Просто… дрогнуло. Будто струна, которую кто-то натянул до предела.

— Почему ты сказала мне это? — прошептала она. — Почему не защитила?

Мико улыбнулась. Настоящей улыбкой. Тёплой.

— Потому что ты — последняя, Юми. Последняя, кто может выбрать. Я выбрала свой путь. Мой путь — умереть, чтобы ты могла жить.

Она потянулась и коснулась щеки Юми. Пальцы были ледяными.

— Не будь жертвой. И не будь палачом. Будь… — она запнулась. — …будь собой. Какой бы ты ни стала.

Рука опустилась. Глаза закрылись. Юми сидела в пепле. Одна.

Тишина вернулась. Но теперь она была другой. Не пустой. Тяжёлой. Смысловой. Пепел не должен был пахнуть так сладко. Юми стояла над телом наставницы уже час. Может, два. Время здесь, в этом месте, текло иначе — как кровь по разорванным венам: медленно, тяжело, с перерывами.

Она не могла плакать. Не потому что не хотела. А потому что слёзы требовали пространства внутри, а внутри было только эхо. Голос Мико повторялся в черепе, как удар молотка по наковальне.

— …Мы — хранилище..

Юми посмотрела на свои руки. Обычные руки. Девятнадцати лет. С мозолями от обучения мечу, с маленьким шрамом на указательном пальце от случайного пореза ножом. Ничем не отличались от рук любой девушки в империи.

Юми закрыла глаза наставницы. Потом начала обыскивать карманы. Не из жадности. Из необходимости. Мико всегда носила при себе что-то важное. Юми видела это семь лет. Знала привычки лучше, чем свои собственные.

Пальцы наткнулись на что-то твёрдое. Маленький свёрток, завернутый в тонкую ткань. Шёлк. Тёмно-синий, с вышитыми хвостами. Юми развернула его.

Внутри лежал медальон. Овальный, из чёрного металла, с серебряной оправой. На лицевой стороне — символ, который Юми видела тысячи раз, но никогда не рассматривала внимательно.

Девять хвостов. Расходящихся от центра, как лучи солнца. Обратная сторона была гладкой. Без символов. Без надписей. Только две буквы, выгравированные мелким почерком:

К+М.

Кто такая К? Юми нахмурилась. Она не знала никого с такой инициалой в окружении наставницы. Или знала?

Память… дала сбой.

Дом горел три часа назад. Может, четыре. Солнце ещё не встало. Небо было тёмно-фиолетовым, с тонкой полоской оранжевого на горизонте. До рассвета оставалось не больше часа. Часа хватило бы, чтобы уйти.

Но куда?

Она отвернулась от пепелища и пошла вперёд, туда, где улицы становились шире, а тени — плотнее. В городе было опасно, но в лесу её найдут быстрее. Охотники знали леса лучше, чем свои собственные дома.

На окраине квартала, где каменные дома сменялись складами и полуразрушенными мастерскими, воздух пах железом и сыростью. Юми скользнула в проулок, надеясь найти укромный угол, чтобы перевести дух. Но не успела сделать и трёх шагов, как впереди вспыхнул свет — факел, резкий и беспощадный, выхватывающий из темноты грубые очертания фигур.

Охотники.

Сердце ударилось о рёбра так сильно, что на секунду ей показалось — они услышат этот стук. Она метнулась назад, но путь перекрыл ещё один силуэт. Высокий, в тёмном плаще, с капюшоном, скрывающим лицо. Он не кричал, не звал остальных — просто стоял, перекрывая выход, и в этом спокойствии было страшнее, чем в криках.

— Стой, — голос прозвучал негромко, но твёрдо. — Я не собираюсь тебя убивать.

Юми замерла. Это было странно — не гнать, не кричать «демоница», не бросаться с оружием. Просто «стой».

— Кто ты? — голос сорвался, выдавая страх. Она попыталась сделать шаг назад, но наткнулась на стену.

Мужчина опустил факел, и свет перестал слепить. Теперь она могла разглядеть его лицо — резкие черты, усталые глаза, шрам у виска. Он не был похож на фанатика. Скорее на человека, который слишком долго делал то, что должен, и уже не помнил, зачем.

— Меня зовут Кай, — он чуть наклонил голову, будто пытался прочесть её, как старую карту. — И я вижу, что ты напугана. Но если побежишь — они тебя поймают. Там, за углом, ещё трое. У них арбалеты.

Юми сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. «Не показывай огонь. Не показывай».

— Зачем ты мне это говоришь? — прошептала она, и собственный голос показался чужим. — Ты же охотник.

Кай помолчал, будто взвешивая слова.

— Да. Я охотник. Но я не палач. И я не люблю, когда убивают тех, кто даже не пытается защищаться.

Он сделал шаг вперёд, не угрожающе, а скорее… осторожно. Как будто боялся спугнуть.

— Почему ты помогаешь мне?

Кай усмехнулся. Горько.

— Потому что год назад я выполнял приказ. Убил семью ёкаев в приграничном селе. Думал, что спасаю людей. А потом нашёл их записи. Они не нападали. Они прятались. Как ты. — Он сжал кулак. — С тех пор я ищу способ загладить это. Или хотя бы остановить следующее.

Юми молчала. Вода капала где-то в глубине переулка. Тихо. Ритмично. Как часы.

— Если я пойду с тобой, — сказала она наконец, — ты будешь делать то, что я скажу. Без вопросов.

Кай кивнул.

— Договорились.

Юми на мгновение обернулась — туда, где ещё тлели угли её прошлой жизни. Потом решительно шагнула вперёд.

Они вышли из переулка. Город начинал просыпаться. Где-то звонили колокола. Кричали дети. Пахло свежим хлебом и дымом. Обычная жизнь. Ничто не предвещало беды.

Но Юми знала: беда уже здесь. Она дышала ею. Жила ею.

И шла навстречу.

Кай шёл рядом. Молча. Наблюдал.

— Ты всегда такая тихая? — спросил он через некоторое время.

— Нет. — Юми не смотрела на него. — Просто сейчас не до разговоров.

— Понимаю. — Пауза. — Ты веришь в судьбу?

Юми нахмурилась.

— Нет.

— А в удачу?
— Только ту, которую создаёшь сама.
Кай улыбнулся. Коротко. Одной стороной рта.
— Тогда нам с тобой повезло. Мы оба умеем создавать.
Юми не ответила. Но внутри что-то дрогнуло. Не сила. Не память.
Что-то новое. Редкое. Опасное.
Надежда.

Глава 2. Город, который забыл

Синдзаки встречал их шумом.

Не громким, не праздничным — а рабочим, усталым, привычным. Торгаш кричали, предлагая рыбу, ткань, пряности. Рабочие несли брёвна, скрипя от напряжения. Дети бегали между ног взрослых, смеясь и толкаясь. Всё было так же, как всегда. Как будто мир не горел. Как будто где-то, за пределами этих стен, не лежал пепел дома, где жила Мико.

Юми шла по главной улице, прижавшись к стене. Кай шёл рядом, держась подальше, но так, чтобы она могла видеть его лицо. Он смотрел по сторонам, оценивая патрули, выходы, возможные пути отступления. Профессионализм. Или паранойя.

— Здесь безопасно, — сказал он тихо. — Пока мы не привлекаем внимания.

Юми не ответила. Она прислушивалась.

— Мы идём сюда, — Кай указал на узкий переулок между двумя складами. Дверь была деревянной, оббитой железом, с ржавым замком. Над ней висела вывеска: «Ремонт амулетов. Чистка печати. Быстро. Недорого».

Юми нахмурилась.

— Магическая лавка?

— Лучше, чем больница. В больнице спрашивают лишнего. Здесь спрашивают только деньги.

Он постучал три раза коротко, один раз длинно. Пауза. Стук. Ещё пауза. Дверь открылась.

Внутри пахло ладаном и старым деревом. Полки были уставлены странными предметами: камни с вырезанными символами, склянки с жидкостью разных цветов, металлические пластины с гравировкой. За стойкой сидел человек. Старый. Лицо покрыто морщинами, глаза — мутные, но проницательные. На столе лежала книга. Открытая.

— Кай, — сказал старик. Не удивился. Не обрадовался. Просто констатировал. — Ты пришёл с кем-то.

— Да, мастер Ода.

Старик посмотрел на Юми. Долго. Так, будто читал не её лицо, а что-то под ним.

— Кицунэ, — сказал он тихо. Не вопрос. Утверждение.

Юми замерла.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я помню, — Ода закрыл книгу. Пальцы легли на обложку. — Помню, когда ваш род был жив. Когда хвосты касались неба.

Он поднялся. Медленно. С трудом.

— Я знаю, зачем ты пришла. И знаю, чего боишься.

Юми сделала шаг вперёд.

— Чего?

— Что ты забудешь. — Ода посмотрел прямо в её глаза. — Что сила, которой ты обладаешь, стирает тебя. По кусочкам. Сначала мелочи. Потом важное. Потом самое дорогое.

Юми почувствовала холод.

— Как это остановить?

— Никак. — Старик покачал головой. — Это цена. Всегда цена.

Пауза. Тишина в лавке была плотной, как стена.

— Но можно замедлить, — продолжил Ода. — Если ты найдёшь то, что хранится в Логове. Артефакт. Он… связывает память с силой. Позволяет использовать кэхари, не теряя себя.

Юми сжала кулаки.

— Где этот артефакт?

— В Логове. — Ода повторил, как эхо. — Там, где начался род. Там, где первые десять хвостов коснулись земли.

— Нам туда нужно, — сказала Юми.

— Нет. — Ода покачал головой. — Вам туда нельзя. Вход закрыт. Только для тех, кто… — он замолчал. — Кто обладает чистой кровью. И готов заплатить цену.

— Какая цена?

Старик посмотрел на неё. В его глазах мелькнуло что-то вроде жалости.

— Жизнь. Не твоя. Чья-то чужой. Или твоя собственная, если ты не пройдёшь испытание.

Юми отвернулась.

— Мы вернёмся позже. Сейчас нам нужно укрытие.

Ода кивнул. Открыл ящик стола. Достал маленький ключ. Бросил.

— Подвал. За задней стеной. Там безопасно. Никто не проверит.

Кай поймал ключ.

— Спасибо, мастер Ода.

— Не благодари меня. — Старик снова сел. — Опасайся тех, кто приходит с добрыми глазами. Они чаще всего несут худшее.

Юми вышла из лавки. Кай шёл следом.

— Ты доверяешь ему? — спросила она.

— Нет.

— Тогда зачем взял ключ?

— Потому что у меня нет выбора.

Они шли молча. Через квартал. За угол. Вниз по лестнице, ведущей в подвал. Дверь была старой, с трещиной посередине. Кай повернул ключ. Дверь открылась с тихим скрипом.

Подвал был маленьким. Один метр на два. Кровать. Стол. Светильник на стене. Воздух был сухим, тёплым. Запахом старых вещей.

— Здесь можно остаться на пару дней, — сказал Кай. — Пока я выясню насчёт склада.

Юми села на кровать. Ощупала голову. Руки. Ноги. Проверила, всё ли на месте.

— Почему ты помог мне? — спросила она вдруг.

Кай замер.

— Я уже отвечал.

— Нет. Ты говорил про совесть. Про загладить вину. Но это не ответ. Ответ — почему именно я. Почему не другой ёкай. Почему не тот, кого ты встретил бы на дороге.

Кай молчал долго. Потом сел напротив неё.

— Потому что ты последняя.

Юми смотрела на него.

— Я знал одного кицунэ. Девятнадцать лет назад. Он был моим другом. — Голос стал тише. — Мы играли вместе в детстве. Он учил меня читать. Я учил его стрелять. Потом началась Чистка. Я получил приказ найти его. Привести. Или уничтожить.

Юми почувствовала, как внутри что-то дрогнуло.

— Ты нашёл его?

— Да. — Кай закрыл глаза. — И не смог. Отпустил. Он убежал. А через неделю… — он открыл глаза. В них была пустота. — …его нашли другие. Те, кто не был подобен мне.

Юми молчала.

— С тех пор я ищу способ исправить это. Найти последнего. Помочь. Может, даже… — он запнулся. — …может, даже искупить.

Юми опустила взгляд.

— Ты ошибаешься, Кай.

— Знаю.

— Но ты всё равно здесь.

— Да.

Они молчали. Светильник мерцал. Где-то над головой топтали пол. Юми закрыла глаза. И почувствовала силу. Она всё ещё была внутри. Пульсировала. Ждала. Она хотела проверить. Проверить, насколько сильна стала. Насколько далеко может достать. Использовать немного. Совсем чуть-чуть.

Она протянула руку. К пальцам. И позволила искре выйти. Синий свет. Холодный. Тихий. Он осветил комнату на секунду. Потом погас. Но Юми почувствовала… пустоту. Где-то в голове. Там, где раньше было.

Она схватилась за голову. Постаралась вспомнить. Лицо матери. Она помнила только волосы. Длинные. Белые. Но лицо… лицо было размытым. Будто фотография, на которую попала вода.

Кай смотрел на неё. Не двигаясь.

— Прости, — прошептала она.

Он встал. Подошёл. Положил руку на плечо. — Это цена. Все платят.

Юми отвернулась.

— Я хочу забыть это. Забыть, что потеряла.

— Нельзя забывать то, что уже ушло. Можно только жить дальше.

Она подняла взгляд.

— Как?

— Шаг за шагом. День за днём. — Кай убрал руку. — Вот так.

Юми кивнула. Медленно. Тяжело.

— Мне нужно спать.

— Спи. Я буду снаружи.

Он вышел. Дверь закрылась.

Юми легла на кровать. Закрыла глаза. И попыталась вспомнить лицо матери. Оно пришло. На мгновение. Ясное. Тёплое. Потом исчезло. Как дым и пепел. Всё, что было до этого дня.

Глава 3. Память на продажу.

Утро в Синдзаке началось не с петухов, а с криков чаек.

Юми открыла глаза. Свет проникал сквозь щель в полу под потолком — узкая полоска серого света, падающая прямо на деревянный пол. Она лежала на спине, смотрела в потолок и пыталась вспомнить, кто такая.

Не имя. Имя было. Юми. Это она знала точно. Но почему это имя? Что оно значит?

Юми села на кровати. Руки дрожали. Не от страха. От пустоты. Внутри была дыра. Там, где раньше был образ матери. Теперь там только холод.

— Ты опять пробовала? — голос Кая раздался из-за двери. Тихо. Спокойно.

Юми вздрогнула.

— Да.

— Что вспоминала?

Молчание.

— Юми.

— Лицо. Матери.

За дверью тишина. Потом тяжёлый вздох. Она встала. Подошла к двери. Приложила ухо.

— Ты здесь?

— Да. Всегда. Потому что обещал.

Юми опустила руку. Обещания… они такие хрупкие. Как стекло. Как память.

— Открой. Мне нужно выйти.

Дверь скрипнула. Кай стоял в коридоре. Держал два кусок хлеба. Один — ей.

— Завтрак. Нормальный. Не сухой.

Юми взяла хлеб. Попробовала. Вкус был… знакомым. Будто она ела такое раньше. Много раз. Но когда? Где?Память молчала.

Синдзаки жил своей жизнью.

Торговцы раскладывали товары на площадях. Дети бегали с мячом. Старухи сидели на лавках и сплетничали. Жизнь текла ровно, спокойно, бездумно. Юми шла рядом с Каем и чувствовала себя чужой. Слишком ярко. Слишком много звуков, запахов, цветов. Всё слишком сильно. Сила внутри пульсировала, усиливая ощущения.

— Ты чувствуешь? — спросил Кай.

— Что?

— Город. Он живёт. Дышит. Как будто ничего не случилось.

Юми посмотрела на прохожих. Молодая пара держалась за руки. Старик нёс корзину с овощами. Ребёнок смеялся.

— Они не знают.

— И хорошо, — Кай усмехнулся. — Незнание — лучшее оружие против страха.

Они подошли к складскому району. Здесь было тише. Здания выше, стены толще, двери массивнее. Воздух пах мокрым деревом и ржавчиной.

— Вот этот, — Кай указал на большое здание с железными воротами. Надпись на доске: «Склад «Айси». Хранение тканей. Вход строго воспрещён».

Юми присмотрелась. Трое охранников. У арбалетов. Одноголовый. Два молодых. Все напряжённые. Смотрят по сторонам.

— Обычная охрана, — сказал Кай. — Но есть ещё один.

— Кто?

— Внутри. Я чувствую его. Магию. Слабую, но узнаваемую.

Юми сузила глаза.

— Ёкай?

— Нет. Человек. Но с печатью.

— Какая печать?

— Контрольная. Их используют, чтобы управлять людьми. Делать их послушными. Без вопросов.

Юми почувствовала холод.

— Нам нужно внутрь.

— Да. Но не сегодня. Сегодня слишком много глаз.

— Тогда завтра.

— Юми, мы можем ждать неделю. Месяц. Год.

— У меня нет года. — Она посмотрела на него. — У меня нет ничего. Только то, что осталось. И то, что я могу найти.

Кай молчал. Потом кивнул.

— Хорошо. Завтра. Ночью.

День прошёл медленно.

Они спрятались на чердаке заброшенной мастерской. Оттуда был виден склад. Юми наблюдала за охранниками. Меняли посты каждые два часа. Ели вместе. Смеялись. Жили.

Как обычные люди.

— Они не знают, что хранят, — сказал Кай.

— Знают, что хранят тайну, — поправила Юми. — А тайна всегда страшнее правды.

Кай посмотрел на неё.

— Ты умная.

— Я была умной. До того, как начала забывать.

Молчание.

— Юми.

— Да?

— Если ты потеряешь ещё что-то важное… я напомню.

Юми улыбнулась. Коротко. Горько.

— Запомни тогда: я не хочу, чтобы ты мне напоминал. Я хочу помнить сама.

— Тогда не используй силу.

— Я не смогу.

— Почему?

— Потому что страх сильнее воли. Всегда.

Кай отвернулся. Смотрел на склад. На охранников. На небо.

Ночь приближалась быстро. Рассвет встретил их тишиной. Юми проснулась первой. Лежала. Слушала дыхание Кая. Ровное. Спокойное.Она встала. Подошла к окну. Посмотрела вниз.

Склад стоял. Охранники сменились. Новые лица. Те же арбалеты. Та же напряжённость. Юми закрыла глаза. И почувствовала силу.

Кай резко прервал её тишину.

— Уходим. Сейчас.

— Что? Почему сейчас?

— Потому что я слышал шаги. Сверху. Кто-то идёт.

Юми выглянула в окно.

На крыше соседнего здания стоял силуэт. Тёмный. Высокий. С длинным мечом.

Охотник.

— Бежим, — сказал Кай.

Они выбили окно. Выпрыгнули. Упали на землю. Побежали. За ними — крик. Стрела свистнула мимо уха. Ударилась в стену. Юми бежала. Не оглядываясь. Не думая. Просто бежала. Кай бежал рядом.

— Слева! — крикнул он.

Они свернули в переулок. За угол. Ещё один. Ещё. Стрелки преследовали. Быстро. Профессионально. Кай остановился. Резко.

— Стой.

— Что?

— Они нас заманивают.

Юми оглянулась. Переулок был тупиком. Стена. Высота — три метра.

— Мы погибли, — сказала она тихо.

Кай посмотрел на неё. Потом на стену. Потом на стрелков, которые приближались.

— Нет. — Он достал из кармана один камешек. Бросил. — Есть другой путь.

Из земли поднялась вода. Поток. Быстрый. Холодный. Он ударил в стрелков. Сбил их с ног.

— Иди! — крикнул Кай.

Юми прыгнула в воду. Она держалась. Плывя. Кай плыл рядом. Поток унёс их в канал. Под мост. В темноту. Юми вынырнула. Смотрела вверх. На мост. На ноги стрелков. Они прошли мимо. Не заметили. Кай вылез на берег. Помог Юми.

— Ты использовал воду? — спросила она.

— Нет. Я просто знал каналы. Вода сама по себе.

Юми посмотрела на свои руки. Они дрожали.

— Мы слишком шумим.

— Да. Поэтому нам нужно быть тише.

Кай посмотрел на неё. Долго.

— Нужно перестать быть кицунэ. Стать человеком.

Юми нахмурилась.

— Как?

— Скрыть следы. Скрыть запах. Скрыть силу.

— Это невозможно.

— Возможно. Если ты найдёшь то, что хранится в Логове. Артефакт. Он скроет тебя. Когда будешь готова платить цену.

— Я готова.

Кай покачал головой.

— Ты не понимаешь. Цена — это не деньги. Это ты. Вся ты.

Юми молчала. Потом кивнула. Они вышли из канала. На улицу. На рассвет. Синдзаки просыпался. Колокола звонили. Люди шли на работу. Ничего не знали. Юми шла рядом с Каем. И понимала одно: каждый шаг приближает её к Логову. И отдаляет от того, кем она была.

Это была цена. Она платила её каждый день. Каждый час. Каждую секунду. И не останавливалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.